

⁵ ЦОА ФСБ. Ф.14. Оп.5. Д.1-а, Л. 276–279.

⁶ ЦОА ФСБ. Ф.3ос. Оп.9. Д.17. Л.100–103; Ф.14. Оп.5. Д.1-А. Л.223,224; Ф.66. Оп.1-Т. Д.118. Л. 82об.

⁷ *Цинев Г.К.* Из опыта борьбы территориальных органов государственной безопасности против немецко-фашистской разведки в Великой Отечественной войне/ Труды Высшей школы КГБ СССР. 1971. №2. С.30; ЦОА ФСБ. Ф.4.Оп.3. Д.1268.Л.49–51; Ф.6.Оп.1.Д.683.Л.75–77.

⁸ ЦОА ФСБ. Ф.6. Оп.1. Д.683.Л.152,153.

⁹ ЦОА ФСБ. Ф.14. Оп.5. Д.1-А.Л.210.

¹⁰ ЦОА ФСБ. Ф.3ос. Оп.9. Д.13.Л.244,245.

¹¹ ЦОА ФСБ. Ф.14. Оп.5. Д.1-А.Л.219.

¹² Там же. Л.223.

¹³ ЦОА ФСБ. Арх.№300 258. Т.2. Л.191–195.

¹⁴ ЦОА ФСБ. Ф.4. Оп.3. Д.1268. Л.53,54; Оп.4. Д.694. Л.59.

¹⁵ ЦОА ФСБ. Ф.4. Оп.3. Д.1268 .Л.70; Ф.6.Оп.1. Д.733. Л.239.

¹⁶ ЦОА ФСБ. Ф.4. Оп.3. Д.737. Л.67–71.

¹⁷ *Петренко П.Е.* Борьба органов государственной безопасности с агентурной разведкой спецслужб фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны/ Труды Высшей школы КГБ СССР. М.,1985. №35. С.59,60.

¹⁸ ЦОА ФСБ. Ф.66. Оп.1-Т. Д.116-а. Л.71, 71об.,72, 72об.

¹⁹ *Коровин В.В.* Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Монография. М., изд. ВШ КГБ, 1981. С.24.

²⁰ ЦОА ФСБ. Ф.4. Оп.4. Д.691. Л.137, 369, 413.

²¹ ЦОА ФСБ.Ф.4. Оп.3. Д.1320. Л.9, 9об.; Д.1328. Л.15,16; Д.1325. Л.15,16; Оп.4. Д.691. Л.370,374–376.

²² ЦОА ФСБ. Ф.4. Оп.3. Д.1268. Л.2,42; Оп.4. Д.691. Л.3,5,6.

Жук А.В.,
Екатеринбург

ГЕРМАНСКИЙ ШПИОНАЖ НА ВОЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ УРАЛА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В начале XX века, когда Европа раскололась на два противостоящих друг другу военных блока, а гонка вооружений потенциальных противников достигла внушительных размеров, заметно активизировалась разведывательная деятельность на территории соперничавших государств. Россия не была исключением. «Прозрачность» границ, способствовавшая беспрепятственному про-

никновению неприятельского элемента, отсутствие достаточно жёсткого кадрового «фильтра» на промышленных предприятиях, отчасти даже присущая русским беспечность создавали благоприятные условия для развития шпионской деятельности на территории царской России, особенно на таких стратегических объектах, как военные предприятия.

Следует отметить, что в отечественной литературе этой теме посвящено лишь незначительное число работ. В этих исследованиях достаточно внимания уделялось самым «громким» делам в истории шпионской деятельности на территории России, где, как правило, фигурировали высокие должностные лица. Между тем, есть достаточные основания полагать, что незначительное число осуждённых должностных лиц в ходе «громких» процессов – лишь «надводная» часть «айсберга».

К началу 1914 года, перед Первой мировой войной, немцам в России принадлежали все химические заводы, около 90% предприятий электротехнической промышленности, значительное число металлургических и металлообрабатывающих заводов, почти половина текстильных предприятий, что позволяло им осуществлять шпионаж во многих отраслях народного хозяйства страны. Шпионаж также осуществлялся с помощью различных немецких торгово-промышленных фирм, добровольных и страховых обществ¹.

Акционерное общество «Зингер», к примеру, организовало широкую агентурную сеть, обеспечивавшую сбор шпионских сведений почти по всей стране. При этом акции «Зингера» не котировались ни на одной бирже, сведения о личном составе акционеров, обороте капиталов и фамилия фактического директора правления держались в строжайшем секрете. По непроверенным данным, одним из крупных акционеров общества являлся сам Вильгельм II. К началу Первой мировой войны в акционерном обществе «Зингер» в России насчитывалось свыше 30 тыс. служащих, большинство из которых вело разведывательную работу в пользу Германии. Этот факт подтверждается агентурными данными Департамента полиции, а также многочисленными показаниями привлечённых к ответственности за шпионаж служащих фирмы².

К началу Первой мировой войны, несмотря на сокращение покупательской способности населения, общество «Зингер» не только не

сократило свою сеть, но даже расширило её, открыв новые магазины и увеличив численность своих агентов. По агентурным материалам, получаемым от общества «Зингер», главная противница России – Германия располагала сведениями не только о численности, составе и дислокации военных подразделений действующей армии, но и о положении дел на предприятиях, выпускавших военную продукцию, мобилизационных ресурсах тыла, настроениях гражданского населения и т.п.

Промышленный шпионаж процветал ещё и благодаря предательству высших должностных лиц. В сентябре 1914 года во время обыска у директора Путиловского завода Курста Орбановского, активно сотрудничавшего с крупнейшей шпионской организацией под прикрытием торговой фирмы «Кунст и Альберс», кроме судостроительных программ и технических условий на поставку предметов из никелевой стали были обнаружены перечень материалов, необходимых для Ижевского завода, технические условия русского морского министерства за 1913 год и технические условия для поставки металлического антимона на Петроградский патронный завод³.

Шпионаж в пользу Германии в высших эшелонах царской власти привёл в 1915 году к отставке военного министра В.А.Сухомлинова, полковника С.Н.Мясоедова, инженера Н.Гошкевича и др. В отечественной историографии существует версия о незначительной причастности осуждённых указанных выше лиц за шпионаж в пользу Германии. По мнению историка К.Ф.Шацилло, казнь С.Н.Мясоедова и приговор В.А.Сухомлинова к пожизненной каторге – не более, чем «выпуск пара», «показательный» процесс для успокоения общественности, желавшей видеть реальные результаты контрразведывательной деятельности силовых структур⁴.

В мае 1915 года был издан закон о ликвидации существовавших в России немецких фирм⁵.

В «Справке о деятельности акционерного общества «Зингер» по распространению швейных машин в России», подготовленной в конце 1930-х годов начальником отдела секретных фондов УГА НКВД СССР майором государственной безопасности Гордеевым, указывалось: «многочисленные доказательства разведывательной деятельности со стороны служащих компании «Зингер» привели к постановке вопроса о закрытии деятельности фирмы в 1915 году»⁶.

Но вопрос о промышленном шпионаже на военных предприятиях тыла на этом не был исчерпан. Подогреваемое патриотическими настроениями российское общество сосредоточило всё своё внимание на непосредственных представителях неприятельской диаспоры в России – немцах, имевших прямое отношение к производству предметов вооружения. Под пристальное внимание общественности и властей попала производственная и частная жизнь немецких служащих, мастеров, рудничных, куренных и фабричных рабочих. Практически за каждым немцем, имевшем какое-либо отношение к военному производству, была установлена тайная слежка⁷.

В Управление Уральскими казёнными горными заводами ещё с января 1915 года стали поступать циркуляры Главного Управления Генерального Штаба и Департамента полиции о необходимости усилить наблюдение за лицами немецкой и австрийской национальностей, имевших отношение к производству предметов вооружения⁸.

Но наибольшую бдительность стремились проявить отнюдь не представители власти! В жандармские управления городов, особенно тех, где существовало военное производство, хлынули потоки доносов, коллективных писем, жалоб и прочих «ходатайств» непосредственно от рабочих и служащих. К примеру, рабочие снарядного цеха Златоустовского казённого завода в начале 1915 года настаивали на возбуждении дела в отношении «ходатайства об удалении с завода всех лиц немецкого происхождения, вызвавших в среде рабочих крайнее возмущение»⁹. В вину помощнику управляющего горному инженеру Н.Л.Першке ставилось «умышленное сокращение выработки холодного оружия..., несмотря на наличие больших заказов и... ссылка при этом на ремонт машин и большое количество брака», помощнику заведующего снарядного цеха инженеру Э.Э.Линду – «умышленная задержка ремонта станков», машинисту В.Э.Штембергу – «систематические остановки машин на несколько часов и... уменьшение заработка рабочих». Рабочие настаивали на проверке квартир, «служившими местами неоднократных тайных собраний» провизора Э.П.Линда, Н.Л.Першке, мастера полировочного цеха Л.Д.Шнейдера и др¹⁰.

По факту подобных заявлений заводоуправление устраивало проверку подозреваемых лиц в обязательном порядке. Следует отметить,

что уже сразу после начала первой мировой войны Управление Златоустовским казённым заводом распорядилось уволить всех рабочих и служащих, имевших немецкое или австрийское подданство. Фактически на заводе остались работники, имевшие только российское подданство. Среди оставшихся систематической проверке подвергались рабочие и служащие с немецкими фамилиями. Но таких, согласно «Списку администрации завода, заведующих цехами, их помощников, врачей, мастеров и практикантов за 1915 г.», на Златоустовском казённом заводе было достаточно много: в администрации – 23,53% (!) от общего числа служащих, среди мастеров – 6,45%, среди рабочих, лаборантов и практикантов – 4%¹¹. В заводоуправлении на каждого были заведены особые учётные карточки, периодически представляемые полиции. О состоянии дел в отношении вышеуказанных лиц систематически докладывалось Министру торговли и промышленности С.И.Тимашеву.

7 сентября 1915 года Горный Департамент уведомил начальника Уральских горных заводов о письме старообрядческого епископа Пермского и Тобольского Антония от 29 июня 1915 г. «О засилии немцев в Златоусте и Миассе» на предмет «принятия соответствующих мер»¹². Удивления достоин факт того, как человек, в принципе, далёкий от решения служебных вопросов на военных предприятиях, достаточно близко к сердцу принял все производственные проблемы, в том числе и вопрос о промышленном шпионаже и саботаже на оборонных заводах Златоустовского горного округа. В «Письме» говорилось о том, что на Златоустовском казённом заводе «рабочий русский народ видит явное предательство в делах рабочих цехов, всё управление в руках немецких, а этот народ хитрый, хотя и у нас живёт, а зло питает нас». Епископ подчёркивал, что «народ возмущён до крайности, как бы не случилось потрясение бунта: немцы ... постоянно делают ремонт, переставляют станки, бракуют работы, чрезвычайно много обращают в переливку, более одной смены работать не позволяют... болезнует сердце и душа, ведь... все там мастера главные и управители немцы... обманывают комиссию, приезжающую для осмотра..., очи ей замазывают мздою... – это многия передают рабочие люди». Антоний заострил внимание на том, что «рабочие видят лукавство и неправда деемая: во всём видят неусилие работы и выделки снарядов, чтобы наше войско было без соответственных материа-

лов, с одними ружьями без патронов». В «Письме» епископ неоднократно назвал немцев – сотрудников завода – «подлецами», «тайно вяжущих по рукам» военное производство¹³.

Примечателен факт того, как в ходе разбирательства обстоятельств, изложенных в «Письме», директор Златоустовской Оружейной фабрики сообщил в Уральское горное управление, что в Златоусте нет немцев (!), а «сведения епископом были представлены неверные»!

Показателен ещё один пример разбирательства по подозрению в шпионаже по делу о бывшем прапорщике артиллерии, горном инженере Карчевском, служившем в Гороблагодатском округе на должности Управителя горных работ. Причиной этих разбирательств послужило письмо штейгера Благодатского рудника графа Александра Толстого своему сыну, где он обвинил Карчевского в шпионаже. В частности, А.Толстой писал, что «Карчевский никому из русских не доверяет, а окружил себя австрийцами (военнопленными, привлекавшимися к работе на руднике – А.Ж.), из которых немало самозванцев и отъявленных прохвостов..., он (Карчевский) всю Благодать онемечил». А.Толстой высказал пожелание о том, что «если бы это письмо прошло через цензуру, то этого подлеца следовало поучить бы, чтобы не дружил с австрийцами, наверняка... Карчевский... оказывает большую услугу немцам в постоянном шпионаже»¹⁴. И хотя в ходе дела Карчевского признали невиновным, списав все обвинения в «астрофильстве» на плохие личные отношения с графом А.Толстым, о результатах «дознания» было доложено в штаб Казанского военного округа и Департамент полиции.

Практически, на оборонных предприятиях Урала, равно как и во всей России, часто возникали ситуации, когда обыкновенная профилактическая остановка рабочих станков или их ремонт рассматривались как саботаж или шпионаж в пользу Германии. К неприятным последствиям мог привести также вынос инженерных чертежей или другой иной документации с территории предприятия даже её создателями. Любой факт несанкционированного собрания или встречи с участием представителей администрации, рабочих или служащих доводился до сведения органов власти. При этом особое внимание уделялось лицам немецкой национальности.

Таким образом, на Урале в 1914 – 1916 гг. в условиях военного времени формировалась система «всеобщего контроля», с целью предотвращения промышленного шпионажа и саботажа на оборонных предприятиях и рудниках. Именно благодаря этому германский шпионаж не смог как в России, так и на Урале пустить свои корни слишком глубоко. Такая система практически явилась прообразом эпохи «тотальной бдительности», сложившейся уже при советской власти в 30 – 40-х годах XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кудряшов С. Немецкий шпионаж в России. // Родина. 1993. №5–6. С.92.

² Справка о деятельности акционерного общества по распространению швейных машин в России (компания «Зингер») // ГАПО (Государственный архив Пермской области). Ф. 294. Оп. 1. Д. 2410. Л. 2об.

³ Кудряшов С. Указ.соч. С.93.

⁴ Шацлло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. №4. С.103–117.

⁵ Кудряшов С. Указ.соч. С.95; Д.Бьюкенен. Мемуары дипломата. М.,1991. С.195–160.

⁶ ГАПО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 2410. Л. 5об.

⁷ Переписка с Министерством внутренних дел о политическом влиянии германских подданных на население в связи с возникновением военных действий // Там же. Ф.65. Оп.1. Д.113.

⁸ Циркуляры Главного Управления Генерального Штаба, Департамента полиции и Пермского губернатора, рапорты уездных исправников о лицах, подозреваемых в шпионской деятельности (1915 – 1916 гг.) // Там же. Д.23.

⁹ Доверительное письмо Министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву // ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф.24. Оп.16. Д.1058. Л.26–26об.

¹⁰ Там же. Л.26об.

¹¹ Там же. Л.31 – 33об.

¹² Там же. Л.144.

¹³ Там же. Л. 145 – 145об.

¹⁴ Там же. Л.331 – 331об.